

помогою картин природи поети передають стан людської душі. Людина і природа перебувають у своєрідному симбіозі. Відчуття цієї органічної єдності і створює такі оригінальні осінні образи, які в контексті набувають полісимволічних відтінків, що свідчить про оригінальність мислення і своєрідність світовідчуття поетів. Динамічний і стрімкий ефект сприйняття зображуваного предмета чи явища створюється за рахунок епітетів, також вони дозволяють вийти за межі тексту і встановити індивідуально-авторське осмислення реалії, визначити ті асоціації, додаткові конотації, які набувають об'єкти дійсності в картині світу І. Франка і Я. Каспровича.

Список використаних джерел

1. Аристотель. О душе // Сочинения / Аристотель. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
2. Волковинський О. Поетика епітета : монографія / Олександр Волковинський. – Кам'янець-Подільський : ФОП Сисин О. В., 2011. – 350 с.
3. Горанов К. Художественный образ и его историческая жизнь / К. Горанов. – М.: Искусство, 1970. – 520 с.
4. Корнійчук В. С. Поетика лірики Івана Франка : дис. д-ра філол. наук: 10.01.01/ Корнійчук Валерій Семенович. –Л., 2006. – 436 с.
5. Лисенко О. Образы природы та художня функція поетичної колористики в сонетах Івана Франка / Лисенко Олександра // Проблеми сучасної педагогічної освіти: [зб. ст.] / РВНЗ «Крим. гуманіт. ун-т». – Ялта: [б. в.], 2007. Сер.: Педагогіка і психологія, Вип. 13. – С. 197–201. – Другий розділ: Ч.1.
6. Тресиддер Д. Словарь символов / Джек Тресиддер. – М. : ФАИР – ПРЕСС, 1999. – 448 с.
7. Франко І. Зібрання творів у 50-ти томах / Іван Франко ; ред. Н. Л. Калениченко. – Т. I. : Поезія. – К. : Наукова думка, 1976. – 501 с.
8. Kasprowicz J. Dzieła poetyckie wyd. zbior. w 22 tomach / Jan Kasprowicz ; pod red. L. Biernackiego. – Т. IV. Liryki. – Lwów : 1912. – 169 s.
9. Kołaczowski S., Twórczość Jana Kasprowicza / Stefan Kołaczowski. –Kraków : Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1924. – 186 s.
10. Lipski J., Twórczość Jana Kasprowicza w latach 1878–1891 / Jan Józef Lipski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1975. – 518 s.

Summary. The article is devoted to the role of epithets in the formation of images in the poetical works of I. Franko and J. Kasprowich. In order to clear up their functional significance in the poetical works of I. Franko and J. Kasprowich, the typological and comparative analysis of epithetic structures is done.

Key words: epithet, image, I. Franko, J. Kasprowich.

УДК 812 82 (1 – 87)

А.В. Тарарак

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАПОЛЕОНЕ В РОССИИ НАЧАЛА XIX В.

На початку XIX ст. російська свідомість знаходилася під міцним впливом європейського наполеонівського міфу. Перекладені з французької та німецької мов видання транслювали ідеалізовані уявлення про видатного військового та державного діяча. Згідно з традицією життєписів героя підкреслювалася особиста мужність, героїзм Наполеона. Проте до рис цього жанру додавалися риси життєписів царів з їхніми стереотипними ознаками.

Ключові слова: наполеонівський міф, життєпис героя, ідеалізація, семантика назви.

Личность Наполеона занимает в русской литературе важнейшее место, но отношение к ней на протяжении двух столетий не оставалось неизменным. Во Франции она мифологизировалась, а в России шел сложный и противоречивый процесс притяжения и отталкивания от этого мифа. Наиболее отчетливо влияние европейского наполеоновского мифа на русское сознание проявилось до войны 1812 г., и это понятно: к его образу не примешивалось возмущенное патриотическое чувство. Одним из источников представлений о Наполеоне была русская печать: об этом довольно подробно писали И. Амбарцумов [1], И. Грунский [5], А. Каганова [6], Н. Казаков [7], М. Наринский [8], В. Сироткин [9], О. Соколов [10]. Но исследователи писали, в основном, о периодической печати. Мы остановимся на книжных переводных изданиях, которые дают представление о том, что в начале XIX в. отбиралось для переводов на русский язык и какие представления о Наполео-

не, бытовавшие в ту пору в Европе, переносились на русскую почву. Эта тема все еще, в сущности, остается вне поля зрения исследователей.

Наиболее ценными источниками сведений об этом являются русские компиляции европейских публикаций и переводы французских и немецких изданий. Они издавались в начале XIX в. и предлагали русскому читателю истории о юности, военных подвигах, героизме и мудрости Наполеона. Остановимся на некоторых из них, дающих представление о том, какой образ Наполеона воспринимала русская читающая публика. Так, в 1801 г. вышла книга анонимного русского автора «Жизнь и триумфы генерала Буонапарте, содержащее в себе первые его успехи в военном состоянии и славные походы в Италию и Египет, до совершенного завоевания сей Турецкой Провинции» [2]. Она представляет собой компиляцию материалов из французских и немецких изданий. Обратим внимание на заглавие, в котором уже выражено отношение автора к личности Наполеона: «триумфы», «первые успехи» и «славные походы». Оно ощущается и в тексте издания. Так, автор рассказывает о прибытии эскадры в Египет, где Бонапарт предпринял попытки сделать своим союзником местное население. Он отдал своим солдатам «благоразумные приказания» вести себя так, чтобы «сделать пребывание французских войск приятным для тамошних жителей посредством их доброго поведения» [2, 23], объявил о свободе совести – «чтоб жители продолжали отправлять свободно свою религию и пользовались своею собственностью». Его распоряжения касались также судебной сферы: «...чтобы суд был отправляем так, как и прежде, кадием, последуя решению и совету начальников закона», при этом, однако, «дать клятву никогда не изменять французской армии и никогда не стараться ей вредить» [2, 23]. Армии предписывалось не «делать какие-либо притеснения, хищения и другие неистовства в рассуждении жителей Александрии». Наполеон был готов «наказывать жестоко тех, которые попадутся виновными в подобных преступлениях» [2, 23]. Эти меры должны были обеспечить завоевателю спокойствие местного населения и дисциплину в войсках. Наполеон, по словам автора, свято хранил верность республиканскому долгу. Даже вдали от родины он приказал широко отметить «праздник основания республики»: разместить знамена, установить пирамиду с именами убитых при вступлении в Египет, провести конные и спортивные состязания. Между тем, диссонансом в этой идеальной картине гуманного завоевания становятся сообщения о возмущении в отдельных областях Египта. Так, в отдаленной деревне Алкам был убит флигель-адъютант и пятнадцать человек сопровождения, на что французская армия ответила жестокими мерами: «идти в ту деревню с 500 человек, зажечь ее, и прекратить таким образом разбойничества, так чтоб ни одного дома не осталось целого» [2, 23].

Большое место в «Жизни и триумфах генерала Буонапарте...» занимают описания военных сражений, в которых подчеркивается талантливость и прозорливость военачальника, позволившая ему одержать победу. Его военные успехи восхищают автора публикации так же, как и государственный ум. Он «старался утвердить свое завоевание благоразумнейшими средствами», отдавая разумные приказы «во всей армии печь одинаковой хлеб для всех, не исключая и самого генерал-аншефа, но только для госпиталей печь хлеб гораздо лучше»; «требовать какого-нибудь рода подати с жителей»; «судоходство по Нилу свободно. Вследствие сего запрещается останавливать, под каким бы то ни было предлогом, суда, нагруженные съестными запасами», а также провести собрания авторитетных у местного населения вождей: «сих именитых избирать из тех жителей, которые имеют более влияния на народ и которые более отличились в той стране своими познаниями, прилежаниями и тем, как они приняли французов» [2, 28, 29]. При этом Наполеон не забывал принять и оборонительные меры: «с величайшею деятельностью работать над укреплениями александрийскими, чтобы прикрыть город от всякой атаки, как с моря, так и с сухого пути».

Итак, в анонимной брошюре, написанной на основе французских и немецких публикаций, создается образ славного военачальника, умело руководящего своими войсками, что привело его к славной победе. Подчеркиваются также государственная мудрость Наполеона, стремившегося установить на завоеванных территориях разумное управление, уважающего традиции и верования местного населения, способствующего его самоорганизации. Автор подчеркивает верность Бонапарта республиканским взглядам, готовность сохранять завоевания революции даже вдали от Франции.

О том, что такой характер представлений о Наполеоне не был исключением, свидетельствует и вольный перевод с французского на русский язык книги Ж.Ф. Дюброка «История первого консула Бонапарте со времени его рождения до заключения Люневильского мира» (1802). Восторженное отношение автора к личности Бонапарта проявляется в ряде моментов. Вот как автор характеризует свой замысел, соотнося его с тем, как древние писали жизнеописания героев: «Начертывая свою историю, не скрываю я своей слабости; некоторое побуждение гораздо сильнее побудило меня продолжать оную, несмотря на недостаток моих сил. Важность сего предприятия несколько меня утратила, но я почел, что воздам самую большую честь талантам и дарованиям сего Героя, когда ограничу себя повествованием одной истины и описыванием происшествий, ка-

ковыми они были на самом деле. – Истина, будучи сама собою весьма важна, не имеет нужды ни в каких прикрасах» [4, 30]. Здесь ощущается верность большой литературной традиции жизнеописаний, проявляющаяся в соблюдении нескольких обязательных формул: автор подчеркивает свою неготовность к исполнению трудного дела достойно описать жизнь выдающегося человека; декларирует важность предпринятого дела для того, чтобы зафиксировать величайшие подвиги и описать таланты; он утверждает, что все написанное им, является правдой.

Кроме того, он сообщает о композиции своего труда: «...для облегчения памяти и порядочного расположения происшествий разделено сие сочинений на главы», а также об особенностях самого повествования: «... происшествия, случившиеся с Бонапарте, геройские деяния, мысли его, слова, исполненные мудрости, тонкие и остроумные ответы имеют неразрывную между собой связь и составляют нераздельное повествование, в котором нельзя ничего опустить»; «где быстрота происшествий заставляла меня оставлять какое-нибудь примечательное деяния, то я присовокуплял оное на конец главы»; «я не надеюсь избежать суждения; но утешаюсь уверенностью, что сделал пособие и услугу ученым людям, собирая материи, кои некогда должны служить человеку глубокомысленному и сведущему, который будучи свободен от пристрастия опишет историю Бонапарте» [4, 30]. Можно предположить, что автор «Истории первого консула...» видел своим образцом «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, во всяком случае, и он стремился соединить биографическое повествование с моральными выводами, хотя и отказывался от такого намерения («я не надеюсь избежать суждения»), а его описания Наполеона и речевые фигуры напоминают главу «Сравнительных жизнеописаний» об Александре и Цезаре.

Ж.Ф. Дюброка обосновывает свой выбор выдающимися свойствами личности героя: «Но деятельный Гений сей, не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действо те великие намерения, которые должны сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние, и доставить торговле и искусствам ту живость и деятельность, которые одни токмо могут споспешествовать их благополучию. В недре покоя мы видим его размышляющего о сих великих и важных предприятиях, которые должны освободить один народ от угнетения другого и восстановить то равновесие властей, без которого общество не что иное есть, как пустое слово» [4, 30]. Другими словами, жизнеописание написано о герое, проявившем себя на поле боя и в мирное время, причем руководствуется он основными лозунгами революции: «...сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние, и доставить торговле и искусствам ту живость и деятельность...».

Как и во всех классических произведениях этого жанра, автор дает описание внешности и характера своего героя: «Рост его, подобно Александрову, средний; он не старше тридцати двух или трех лет; вмещает в себе самые противоположные качества, коих соединение одно может токмо образовать великого человека» [4, 31]. Среди свойств его характера – «пылкая и непоколебимая храбрость», к которым он «присовокупляет» «спокойное хладнокровие»: «к природным великим дарованиям и обширному уму – ту изобретательную хитрость, которую часто употреблял Аннибал противу Римлян; к мудрой медлительности в размышлениях, всю скорость в исполнении; к стремительности юных лет – опытность и зрелость старости; с познаниями воина соединяет он познания утонченного политика и добродетель мудростию путеводимую; к чувствам человеколюбивого сердца и воздержанию – любовь к славе и отважность победителей. Тщательное воспитание, глубокое познание инженерной науки, обширный театр, который доставила ему Италия для военных его подвигов – все способствовало к развитию чрезвычайных дарований сего удивления достойного мужа, и к показанию Франции, что и она также имеет своего *Вашингтона*» [4, 31]. Таким образом, автор намечает три линии сопоставления: внешне Наполеон схож с Александром Македонским; по военной сметке – с Ганнибалом, а по роли в государственном переустройстве – с первым президентом американской республики Дж. Вашингтоном, к заслугам которого относят формирование трех ветвей власти, уважение к конституции и пр.

Повествуя о жизни Наполеона, автор говорит о нем, как об эпическом герое: «...начинается та знаменитая эпоха, в коей юный Герой сей оказал великие способности искусного военачальника» [4, 31]. Как и Александру, выступавшему в поход при неблагоприятных условиях и после знамения, и Наполеону обстоятельства также не способствовали: «...предстоящий ему путь представлял непреодолимые препятствия, которые, казалось, умножались на каждом шагу; армия гораздо менее неприятельской, худо одетая и терпящая во всем недостаток, союзники вероломные, негодующие на французов, неприступные для перехода скалы, реки, неудобные для переплывания», что «надлежало победить его мужеству и что он столь счастливо преуспел» [4, 31 – 32]. Как и у Плутарха, в «Истории первого консула Бонапарте» используются характерные приемы – приуменьшение возможностей героя и мощи неприятеля: итальянская армия была ничтожна, а австрийская огромна, победа сокрушительна («1500 человек оставшихся на месте сражения и 2500 взятых в плен», «было взято 9000 человек в плен») и пр.

Молодой герой, сообщает автор, проявил невиданные качества военачальника, как и Александр, был не только гениальным военачальником, но и любимцем своих воинов. Подобно путешественнику он обладал и многими другими качествами: завоевав Италию, организовал там разумное правление, ввел «светильник наук и художеств в страну, которая была оных колыбелью и которая со времен нескольких столетий погружена была в самое величайшее варварство». Обратим внимание на такой пассаж: «Лишь он предстал, увидели мануфактуры разного рода возвышающиеся, хлебопашество приемлющее новое бытие, торговлю, простирающую свою обращение, и оживленную благосклонностью и ободрениями ей обещанными» [4, 35]. Но это райское состояние продолжалось для героя недолго: «новые еще опасности угрожают ему».

Наряду с военными победами Наполеон одерживал и победы политические. Так, 18 брюмера, начавшее «новую эпоху для Франции», становится отдельной главой восхождения героя к высотам славы: «Единому Бонапарте предоставлено было утвердить здание, материалы которого он изготовил своими победами; уничтожить все заговоры и представить из остатков торжествующую республику» [4, 37]. Он и здесь проявляет мужество и невиданные государственные таланты: «Посреди сих раздоров Бонапарте восчувствовал необходимость как возможно скорее ввести в гавань корабль государства, текущий уже со всех сторон, и подобно новому Александру решился перерезать Гордиев узел, возложить на себя беспредельный отчет так как и беспредельную славу, схватил смело рукою бразды правления...» [4, 38]. Восторженный слог и характерную для эпохи апелляцию к римской мифологии, конечно, следует воспринимать как элемент классицистской эстетики, которая господствовала в русской культуре. Но отношение русского переводчика, конечно, обусловлено и текстом оригинала.

Так, в нем в главе «О великом Сент-Бернарде и его гостинице» описывается пустынная местность на вершине горы, куда взобрался герой: «Там холод бывает чрезмерен, даже среди самого лета. Ни одно деревцо, ни один кустарник не являет там царства прозябения; никакая травка, никакой листок не представляют зрелище приятной зелени; никогда птицы не прилетают отдыхать туда» [4, 39]. Чтобы подвиг юного героя выглядел более убедительным, автор создает картину «ужасного безмолвия»: «Природа хотела сделать место сие совершенно диким. Обширное, единообразное и печальное нежное пространство, сероватые утесы, взгроможденные ледяные массы, цепи белоснежных гор на необозримом отдалении, ужасное безмолвие, которое прерывается только зрелищем текущих облаков, кои иногда кажутся стремящимися к подошвам гор, а иногда покрывают собою небо; таковы суть мрачные красоты, представляемые природою путешественнику на сих возвышенных точках нашей гемисферы. <...> В пасмурные дни и во время грозы пустынники расходятся по горам, чтоб услуживать несчастным путешественникам, просящим своими воплями вспоможения, и приносить их в монастырь, объятых холодом и ужасом...» [4, 39]. И в таких невыносимо тяжелых условиях Наполеон совершал свои военные подвиги, оставаясь таким же, как и прежде: «имел на себе серую шинель, так как и в первой итальянской кампании», постоянно был на передовой, хотя его генералы «кричали ему, что не его место быть среди огня», разделял со своими солдатами тяготы их службы и жалел, что не ранен так же, как и они; даже побежденные враги не сомневались в его честности и прямоте.

Несмотря на личную скромность, которую подчеркивает в Наполеоне автор, жители Лиона устроили ему торжественный прием: «слух о прибытии его разнесся по всему городу, и вмиг по пушечному выстрелу народ, купечество и все чины, соединенные единодушием удивления и благодарности, наполнили набережные, мосты, улицы и кровли, крича: *Это Бонапарте! Виват! Bravo!* Рукоплескания продолжались до ночи, смешавшись с музыкою, барабанным боем и пушечными выстрелами» [4, 44]. Герой, проявивший невиданное мужество, мудрость военачальника и государственного мужа, оказался скромным человеком, просившим не устраивать ему почестей. Дополнительные штрихи к портрету выдающегося консула автор добавляет при описании его свидания с консулами. Несмотря на страшную усталость, он прервал свой сон и долго говорил о своих походах, причем и здесь проявлял сдержанность и хладнокровие. К тому же он нашел много лестных слов для родителей своих воинов, передавая им письма от сыновей и щедро характеризуя их выдержку. Утром он принял подарок от дам, состоявший из лаврового венка и торжественных стихов, сочиненных в его честь, и приступил к награждению тех, кто отличился в итальянской кампании.

Значительную часть книги Ж.Ф. Дюброка занимает описание внутривнутриполитических и внешнеполитических решений Наполеона: его меры по укреплению экономики внутри страны, проекты строительства, укрепление берегов, направленные на «спокойствие и счастье народа», заключение договора с американскими соединенными штатами, отношения с Англией, Австрией и пр. Его герой оказался в этих делах таким же неутомимым и талантливым, как и в военном деле. Образ, созданный автором «Истории...», написан в соответствии с устойчивой литературной традицией жизнеописаний. Он отражает восприятие Наполеона французским обществом той поры. Русский образованный читатель получил возможность узнать не только о Бонапарте как о война-

чальнике, – о чем много писалось в периодической печати, но и о необыкновенных свойствах его личности, особенностях характера, принимаемых им решениях.

Небезынтересна в связи с поставленной нами целью еще одна публикация тех лет – «Некоторые замечания о первых годах Бонапарте, собранные и выданные на английском одним из его соучеников», представленная как перевод с французского и вышедшая в свет в Москве в 1802 г. В ней, прежде всего, речь идет о становлении личности Наполеона. Во всяком случае, анонимного автора интересуют его республиканские взгляды, которым он оставался верен. «Хотя опасно было объявить себя республиканцем с начала возмущения, Бонапарте почитал за стыд притворяться. Он с восхищением принял правила свободы и равенства; возрадовался, когда увидел определение, которое не признает между людьми другого различия, кроме личных достоинств, и одна мысль оживила его – мысль, что нет более во Франции препятствий, полагаемых предрассудками для дарований. Почти все товарищи порицали в нем такую опрометчивость» [3, 49]. Автор с гордостью подчеркивает строгую дисциплину, которую поддерживал Наполеон, его равнодушие к тому, что было «порочно»: «Благороднейшее честолюбие вело Бонапарте к славе, не уклоняя ни на минуту от пути чести. Истинные его знания доставили ему всеобщее уважение; а искусство обращать их в пользу – счастье» [3, 49]. Он тяжело завоевывал уважение солдат и генералов, которыми ему пришлось командовать, а завоевав его, никогда им не злоупотреблял. С течением времени оказалось, что он обладает такими качествами, которые нужны для подлинного военачальника. «Везде одинаковая твердость, деятельность, острота, любовь к правлению и жажда к славе. То, что нам казалось недостатком, было семя тех великих качеств, которые он должен был со временем раскрыть. Что в нашей нетерпеливой юности производило отвращение, то спустя десять лет должно было возбудить наше удивление» [3, 51]. В ранние годы, таким образом, в Наполеоне уже проявились те качества, которые составят ему славу у современников и потомков.

Таким образом, переводные издания начала XIX в. дают возможность судить о том, каким видела Наполеона русская публика в ту пору. Его образ несомненно был идеализирован. В молодом герое подчеркивалось его сходство, прежде всего, с Александром Македонским, что, вероятнее всего, являлось данью традиции восхваления героя: рано проявившаяся твердость характера и убеждений, личное мужество и готовность беречь солдат, талант стратега и тактика, масштабность замыслов. Однако к этому образу добавлялись черты, присущие и жизнеописаниям царей: Наполеон предстал мудрым государственным мужем, дипломатом, проводящим разумную внутреннюю и внешнюю политику. Этот образ претерпит существенные трансформации уже через несколько лет в связи с изменением российско-французских отношений и новой русской идеологией. Но эта тема требует специального внимания.

Список использованных источников

1. Амбарцумов И.В. Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX века. Магистерская диссертация [Электронный ресурс] / И.В. Амбарцумов – Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/library/Ambartsumov/index.html>.
2. Б. п. Жизнь и триумфы генерала Буонапарте, содержащее в себе первые его успехи в военном состоянии и славные походы в Италию и Египет, до совершенного завоевания сей Турецкой Провинции / Б.п. // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 22 – 29.
3. Б.п. Некоторые замечания о первых годах Бонапарте, собранные и выданные на английском одним из его соучеников / Б.п. // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 49 – 51.
4. Дюброка Ж.Ф. История первого консула Бонапарте со времени его рождения до заключения Люневильского мира / Ж.Ф. Дюброка // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 30 – 48.
5. Грунский И.К. Наполеон I в русской художественной литературе / И.К. Грунский // Русский филологический вестник. – 1898. – № 3 – 4. – С. 279 – 290.
6. Каганова А. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная ей русская пресса / А. Каганова // Вопросы истории. – 1947. – № 7. – С. 87 – 94.
7. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников / Н.И. Казаков // Новая и новейшая история. – 1970. – № 3. – С. 31–47. – № 4. – С. 42–52.
8. Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе / М.М. Наринский // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 126 – 139.

9. Сироткин В.Г. Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник / В.Г. Сироткин // История СССР. – 1976. – № 4. – С. 78 – 97.
10. Соколов О.В. Наполеон глазами русских // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 7 – 8. (Русский Путь).

Summary. At the beginning of the XIXth century the Russian perception was under ascendancy of the European Napoleonic myth. The publications translated from French and German introduced an eminent military and state figure. In accordance with character's biography writing tradition the personal Napoleon's bravery and heroism were underlined. But there were added to these genre lines the lines of the monarchs' biographies with their stereotyped elements.

Key words: Napoleonic myth, writing of character's biography, idealization, semantics of the name.

УДК 82. 0

К.А. Титянин

РОЛАН БАРТ О ПРАВДОПОДОБИИ В РЕАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Автор статті полемізує з бартівською трактовкою правдоподібності. Барт стверджує, що правдоподібність у реалістичному творі має міфологічну природу, але в цьому міфологічному ключі сам він не може розрізнити концепти «реалізм» і «поезія». Вирішення цієї проблеми пов'язано з виходом з міфологічної свідомості і визнанні реалізму мистецтвом, що аналізує.

Ключові слова: реалізм, Ролан Барт.

Категория правдоподобие, выработанная классическим (в широком смысле) литературным сознанием, становится неактуальной в эпоху реалистической литературы. В эстетике XIX века понятие правдоподобие либо не обсуждалось вовсе, либо было синонимом понятия правда (по мнению Н.Т.Пахсарьян – синонимом понятия «художественная правда» [9]). Причины этого могли быть разными: классический (классицистический) идеал правдоподобия мог казаться как бы уже осуществленным в реализме; возможно, также, что природа реалистической правды была просто недостаточно осмыслена и об этой правде лишь по привычке говорили как о правдоподобию.

Однако сам принцип соотношения классического правдоподобия и реалистической правды можно представить достаточно определенно. Уже в «Драматическом словаре», изданном во Франции в 1776 году, была статья «Правда и правдоподобие», в которой о различении этих понятий сказано следующее: «Правда – это все, что есть; правдоподобие – то, что, по нашему суждению, может быть, а мы выносим свои суждения исходя из нашего повседневного опыта <...> Будучи не без основания не уверенными в бесконечных возможностях вещей, мы принимаем за возможное то, что наблюдаем часто» (Цит. по: [9]).

Из этого понятно, что в классическую эпоху выбор в пользу правдоподобия был хорошо взвешен и тщательно обоснован, а правда относилась к области неструктурированного, хаотического и рискованного. Так вот, реалист как раз и шел на риск и (в пределе) стремился освоить именно «правду», то есть «все, что есть». Вот характерный пример. Бальзак как будто все еще оглядывается на Аристотеля, когда говорит в Предисловии к «Человеческой комедии»: «Я в лучшем положении, чем историк, — я свободнее» (это вариация на аристотелевскую тему «поэзия философичнее и серьезнее истории» Поэтика, IX). Но свою задачу он представлял вовсе не в духе его правдоподобия, а как раз в осуществлении «всего, что есть»: пусть со страхом, но он стремился художественно освоить именно «бесконечное разнообразие человеческой природы», причем при «правдивости в подробностях».

Конечно, неизбежность реалиста, то есть его ориентация на «все, что есть», условна, ее надо понимать как невозможность (неабсолютную) игнорировать какую-либо из сфер, уровней бытия. А осуществить такую установку можно в рамках особой «поэтики непредустановленного на любых уровнях – тематическом, жанровом, сюжетном, словесном» (курсив Л.Я.Гинзбург. – К. Т.) [5, 63].